

УДК 3.08; 303.832
JEL A140, B240, J210, L620

В. Ю. Комбаров

*Институт экономики и организации промышленного производства
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

vkambarov@gmail.com

ПРОСТОЙ РУССКИЙ ИНЖЕНЕР: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ СУБЪЕКТОВ ТРУДА В ИНТЕРЬЕРЕ СИБИРСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

На данных социологического обследования, проведенного на четырех сибирских предприятиях ОПК, осуществлена попытка построить типологию инженеров, отличающихся по типу, уровню и траекториям субъектности, которую можно представить в виде некоего континуума – транс-субъектности – от полного отсутствия субъекта труда до ярко выраженного его присутствия.

Рассматривается проблема субъектности человека труда в связи с типом социальных структур предприятий (организаций). Автор полагает, что в современных древовидных, вертикально-иерархических структурах присутствует гипосубъектность работников, имеет место явление «смерти субъекта». Альтернативой выступает ризомная структура, позволяющая «воскресить» субъекта – продуктивного труженика, уменьшить его жесткую фиксацию в системе и придать его социальному действию нелинейный, процессуальный характер.

Проследив эволюцию трактовки понятий «субъектность» и «субъект», автор приходит к выводу о том, что полноправного социального агента, актора, двигателя исторических и общественных процессов преждевременно списывать со счетов и что ему по-прежнему может принадлежать главная трансформирующая роль в контексте динамики современных социальных процессов. В данном исследовании эмпирическим объектом и референтом такого активного, действующего, самореферентного социального агента, способного противостоять властным дискурсам, а также давлению капитала и господствующим социальным этическим машинам, являются инженерно-технические работники современных российских промышленных предприятий. Актуальность в изучении данной социальной группы работников обусловлена, по мнению автора, необходимостью активизации наиболее креативной части тружеников отечественной промышленности как основного социального капитала производящей экономики, воссоздание и укрепление которой видится сегодня чрезвычайно важной.

Ключевые слова: субъект труда, ризома, кластерный анализ, инженеры, социальная структура, транс-субъектность, постструктурализм.

Что отвердело, то не победит.
(Из к/ф «Сталкер», 1979 г.)

Введение

Если ранние работы постструктуралистов (постмодернистов) изобиливали утверждениями и настроениями относительно смерти субъекта, его «задавленности» доминирующими дискурсами власти, труда, капитала и т. д., то более поздние их труды демонстрируют некоторую ревизию понятий «субъект» и «субъектность», показывают возможности реанимации действующего социального агента как полноценного носителя власти, проводника своей воли, как производителя и реализации намерений и желаний. Такое «воскрешение» становится, во-первых, возможным благодаря развитию представлений о новых свойствах той социаль-

Комбаров В. Ю. Простой русский инженер: социальные портреты субъектов труда в интерьере сибирских промышленных предприятий // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 179–190.

ной обстановки (окружения, условий), в границах которой происходит конструирование субъекта, инвестирование в новые формы субъективности. Во-вторых, надежды на реанимирование человеческой субъектности крепнут благодаря новым идеям о самой «микрофизической» природе возможного нового субъекта. В позднем постмодернизме он мыслится не как статический социальный конструкт, т. е. как раз и навсегда кристаллизованное производное социальных практик, не как узор, выгравированный наложением социальной кальки на сознание, на мышление и деятельность индивида, не как манекен, проговаривающий некий дискурс, а скорее как процесс создания гетерогенной и разнообразной социальной деятельности. Картографирование динамического социального пространства сменяет прежнее наложение на него калек и, как следствие, отвергает воспроизводство стандартизированных социальных типов, практик, структур и институтов: субъект прокладывает путь и затем создает социальную карту пути, он не использует шаблонов. Иными словами, можно сказать, что субъект – это событие, становление, процессуальность.

Mort du sujet?

Имеются ли основания для того, чтобы согласиться с апологетами постмодернистской концепции субъекта в том, что существование субъекта и в самом деле выглядит весьма проблематичным, а зачастую и вовсе невозможным? В самом начале фильма Пазолини «Теорема» мы видим скопление рабочих, которым бывший собственник-буржуа только что отдал свою фабрику, и группу журналистов, атакующих работников вопросами о том, что они сами обо всем этом думают. Оказывается, что последним в общем-то нечего сказать по этому поводу: субъект нем. В то же время сам буржуа, бывший директор завода, осознав чудовищную внутреннюю пустоту, публично обнажается на центральном вокзале, уходит в пустыню, где из его горла вырывается леденящий душу крик отчаяния.

Удивительно, но само понятие «субъект» имеет совсем не долгую историю (исключение составляют тексты Аристотеля), восходящую к Новому Времени и Рене Декарту, провозгласившему знаменитое «*Cogito ergo sum*». Способность к познанию окружающей действительности, наличие воли, направленной на объективный мир, сомнение, скептицизм, желание изменять реальность в соответствии со своими представлениями делает индивида субъектом в картезианском смысле слова [1]. Тезис постмодернистов заключается в том, что в условиях современного общества существование такого субъекта является не более чем очередным самонадеянным буржуазным мифом о всемогущей способности к познанию и бесконечном общественном и технологическом прогрессе.

Во-первых, уже научное сознание модернизма демонстрировало большую долю скепсиса относительно возможности сохранения автономии социального индивида как существа мыслящего, критически подходящего к разного рода социальным ситуациям, имеющего собственную позицию, волю и стратегию поведения. Достаточно вспомнить работы, посвященные таким социальным проблемам, как омассовление индивидуальных сознаний, а также усиливающаяся рационализация и бюрократизация общества, создание «железной клетки» жизни [2–4]. Всеобщая обезличенность, снижение рефлексивности, унификация интеллектуальной и творческой активности выступали на рубеже XX столетия и выступают в наши дни критериями исчезновения личности и появления социального типа статиста, функционера, выступающего без особых сопротивлений проводником чужой воли и власти.

Затем была активная деятельность Франкфуртской социологической школы, углубившей понимание механизмов формирования массового общества, сведения личности, индивида к одномерной структуре потребностей, мотиваций и т. д. [5; 6]. Сама идея просвещения, как активной и целенаправленной деятельности человеческого сознания и мышления, подвергается критике как процесс, созданный человеческой цивилизацией, но, однако, направившей его самой себе во вред. Культурные механизмы унификации и развития технологий, вставших на службу этой «культуриндустрии», сделали свое дело в процессе адаптации масс к экономическим условиям того времени, какими бы антиличностными и антигуманными они не были. Индустриальный капитализм окончательно узурпировал экзистенциальные пространства людей и захватил их бессознательное.

Поэтому неудивительно, что концепция субъекта и вовсе начинает трещать по швам, когда на социологической авансцене начинают звучать голоса постмодернистов, предвещающие неминуемую гибель независимого, самореферентного индивида, погребенного под тяжестью общества спектакля и потребления [7; 8]. Развитие представлений об обществе как о семантической системе, функционирующей по законам лингвистики и языка, породило версии субъекта, детерминированного различными дискурсами власти, капитала, литературы, СМИ, политики и т. д. [9; 10]. В конце концов, радикальная иррациональность нашей эпохи, низвержение единственно достоверных картин мира и ценностных ориентиров опрокидывает «субъекта» с пьедестала смысла в тотальное бессмыслие и фрагментарность. «Возможность моего “я” – в конечном счете, безумная недостоверность» – писал Ж. Батай [11. С. 951].

Впрочем, в последней четверти XX в. феномены субъекта и субъектности подвергаются пересмотру самими постструктуралистами, наиболее активно в этой реинтерпретации приняли участие Фуко, Гваттари и Кристева. В нашем исследовании мы во многом опираемся на глубоко социальную и социологическую природу субъектности, которая представлена в работе «Герменевтика субъекта»: в ней показано, что на самом деле данная проблематика имеет давнюю историю, берет свое начало в античной философии, проходит даже через раннее христианство и завязана вокруг взаимодействия субъекта и истины – познание оной возможно лишь в процессе усиленной работы над собой благодаря заботе и попечительству о себе самом. Истина не дается субъекту просто так, необходимо, чтобы субъект менялся, преобразовывался, «становился отличным от себя самого» [12. С. 28]. Социальная функция этой «культуры себя» – формирование гармонически развитого этического индивида, приносящего пользу другим. Причем экономическая и политическая сферы его деятельности занимают далеко не последнее место.

Для Фуко, когда он говорит о субъекте, наиболее существенным является процесс субъективации, деятельность, осуществляемая индивидом по отношению к самому себе. Субъект как результат этой деятельности формируется в техниках заботы о себе, способности индивидуального сознания воспринимать самое себя как объект. Существенное значение в этом процессе имеют практики освобождения субъекта от различных форм власти в борьбе за личностную свободу. Вне практики, вне деятельности субъекта не существует. Поэтому важно выделить конкретные практики и техники субъективации, которыми являются забота о собственном теле, повышение уровня своего образования, профессионального мастерства, культурного уровня в целом: в конструировании субъективности принимают участие социальные институты, которые уже другой постструктуралист Гваттари рассматривает как социальные машины производства субъективности: «Субъективность не есть нечто автономное, обосновывающее существование тех или иных индивидуальных и социальных планов, напротив, она существует только как ассоциация “человеческих групп, социально-экономических машин, информационных машин”» [13. С. 134]. В нашем исследовании такими машинами производства социального субъекта для нас являются труд, СМИ, литература, общественная мораль: при построении типологии субъектов мы обращались к мнению респондентов о литературе, об идеалах и ценностях, особенностях трудовой деятельности. Следует отметить, что в отличие от большинства леворадикальных интеллектуалов, Гваттари не отвергает полностью капитализм, а оставляет за ним положительные качества, способствующие конструированию субъективности: «Капиталистическая этика менее требовательна к индивидам и общественным группам и менее способна основывать свои требования на “возвышенных” принципах, а потому дает возможность для более свободной субъективации, нежели это было в средневековой христианской традиции» [10. С. 141]. Хотя местами он все же делает поправку на то, что капитализму свойственно также стремление к подавлению, отуплению и унификации индивида, здесь мы подходим к проблеме устойчивости субъекта к внешнему давлению и сопротивлению – в этой области выделяется Юлия Кристева, точка зрения которой на субъект сводится к тому, что существование последнего возможно через бунт [11]. Мы приняли ее как значимую в контексте изучения субъекта труда и отразили в построении типологии инженеров обследуемых нами предприятий. Применительно к контексту трудовой (экономической) деятельности можно говорить о двух стратегиях бунта: забастовке и сопротивлении посредством речи, дискурса, языка.

Нельзя обойти стороной тот факт, что позиция позднего постмодернизма формировалась под влиянием работ и знаменитых русских мыслителей. Например, неоднократно отмечалась та роль, которую сыграли исследования Михаила Бахтина о природе полифонической личности (на примере творчества Ф. М. Достоевского) для западной социально-философской мысли о субъекте: «множественность равноправных сознаний с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» [14. С. 14].

В целом, по нашим личным впечатлениям, поздняя постструктуралистская концепция субъекта близка по своим идеям понятию личности у Николая Бердяева, который, кстати, отмечал, что западная философия заменила личность на субъекта и неверно рассматривает субъекта как противостоящего объекту [15].

От древовидных структур к ризоме и нелинейному социальному действию

Обычно принято считать, что активность, субъектность индивида, его производительные силы должны быть активированы в контексте каких-либо социально-экономических или политических задач. Например, к продуктивности обращаются, когда речь идет о том, чтобы запустить новый экономический проект (например, технопарк): призывы к развитию инновационной экономики обычно сводятся к утверждению о том, что структурные условия для научно-технического прорыва созданы, материальная база готова, бюрократические механизмы налажены, финансирование обеспечено. Но на практике оказывается, что в ситуации полной «насыщенности» среды, субъект как продуктивная личность не подает признаков жизни. Делёз и Гваттари пишут о том, что продуктивность, активное начало в субъекте существуют изначально, но в большинстве случаев подвергаются внешним ограничениям политики, власти, капитала. Поэтому нельзя исключать, что действия, направляемые на активизацию субъекта, на самом деле приводят к абсолютно противоположному результату. Все дело в том, что в подобном случае мы снова имеем дело с «мегашиной», все той же подавляющей древовидностью: как можно стремиться к инновационности, когда сама система экономического производства (знания или вещей) является архаической, закрытой и жесткой? Скорее речь идет о десубъективации.

Постбюрократичность – основная интенция современных социологических и экономических исследований, проводимых в контексте проблематики типов, видов социальных структур, в границах которых происходит конституирование субъекта труда в современных организациях. С данной точки зрения современные производственные отношения характеризуются не просто как постиндустриальные, но как стремящиеся стать постбюрократическими [16]. Ожидается, что дебюрократизация социальной структуры предприятий будет иметь все большее значение по мере освоения технологических инноваций, так как отличительной особенностью работы в инновационном секторе станет повышение уровня образования работников и их возрастающее участие, включенность (в противовес отчуждению) в жизнь предприятия на всех уровнях (социальном, экономическом и т. д.). Это обусловлено, в частности, потребностью в непрерывной модернизации предприятий, перманентным процессом роста – тем, что определяется как «job redesign» [17]. Предполагается, что потребность в непрерывном изменении социальной и других подструктур предприятия вызвана высокими темпами технического развития и конкуренцией на экономическом рынке, а, следовательно, необходимо адаптироваться к ним.

Очевидно, что до безысходности жесткие, до головокружения вертикальные, или же магнетически территориализующиеся вокруг центра власти и управления на предприятии социальные структуры, имеют наименьший шанс к непрерывным изменениям и «тюнингу» в условиях постоянных флуктуаций экономического поля. Отчуждение субъекта в таких условиях классически понимается как результат структурных условий организации, ее бюрократического устройства и функционирования и операционализируется через категории состояния бессилия, беспомощности труженика, ощущения им бессмысленности выполняемых действий [18–20]. Принципиальными характеристиками социальной архитектуры предприятий, которые способствуют проявлению отчуждения и купированию субъектности, являются такие формы социальной структуры как централизованность и формализованность.

Таковые отчуждают труженика от возможности самостоятельно изменять параметры трудовой деятельности и влиять на ход различных процессов на предприятии, принимать участие в выработке решений и ограничивают мотивационный уровень работников [21].

Субъект труда, или скорее его антипод в данном случае, жестко фиксирован в отведенной ему точке социального пространства взаимодействия на предприятии. Возможности его социального действия линейно детерминированы. Сеть ограничений, опутывающая такого носителя антиподной субъектности, распространяется практически на все сферы, где могла бы проявляться его процессуальность. Работник с гипосубъектностью находится как бы на периферии социальной структуры организации, выступает объектом восприятия и исполнения, доходящих до него по централизованным каналам дискурсов приказов, норм и обязанностей, заработной платы и даже доступных ему прав. Такое положение дел согласуется с представлениями Ж. Бодрийяра об имплозивности социального, неспособности более субъектов на какой-либо отклик, ответ, эксплозивную отдачу [4]. Социальный субъект (будь то масса или индивид) – это черная дыра, в которой исчезает и аннигилируется социальное.

Можно было бы подумать, что французский социолог сгущает краски, ведь процессы элементарного взаимодействия индивидов в обществе, как правило, воспринимаются за чистую монету социального, общественного, интересубъективного. Классическая социология учит нас, что действие индивида является социальным в том случае, когда оно направлено на другого индивида, включает в себя мотив по отношению к другому [2; 23]. Однако процесс, который можно было бы назвать красивым словосочетанием «социальная коммуникация», есть, судя по всему, не более чем эхолокация: если массы или индивид еще способны выступать источником передачи социального смысла, то смысл этот не несет в себе никакого социального нарратива, а есть скорее эхо, отраженный или воспроизведенный дискурс. Говорящий социальный агент не является самореферентным субъектом, в процессе говорения он не ссылается на самого себя, не производит собственную социальную логику и социальный смысл. Не походим ли мы все сегодня на респондентов социологических опросов, обреченных отражать смысл и заложенные в анкетах инварианты возможных ответов?

Вертикально-жестко-центрированную социальную структуру организации можно назвать «деревом» или «корнем», а постбюрократическую – ризомой в том смысле, какой этим понятиям придают Ж. Делёз и Ф. Гваттари [24]. Дерево как тип социальной структуры организации являет собой воплощение централизованного пространства, потоки социальных взаимодействий в которых детерминированы бинарными оппозициями начальник / подчиненный, младший / старший служащий и т. п. Взаимодействие сотрудников в таких организациях определяется наличием множества различных социальных перегородок, социальных сегментов (страт), которые ограничивают субъектность и самостоятельность работника, сдерживают его участие в решении производственных задач, очерчивают, сужают поле его деятельности. Организация-дерево венчается административной «кроной», властно спускающей по древу свои распоряжения. Социальное взаимодействие, профессиональная активность в таких организациях всегда опосредуется промежуточными инстанциями (бухгалтерией, заместителями и т. д.). Неслучайно Делёз и Гваттари приводят образ бюрократической организации, представленный Ф. Кафкой, как пространства с бесконечным множеством сегментов и перегородок, попадая в которое субъект претерпевает полное «превращение», отчуждение.

Напротив, ризома, или «клубень», – это множественность, воплощающая принципы соединения и неоднородности: любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой ее точке. Это коренное отличие от дерева, корня, которые, наоборот, фиксируют определенную точку и порядок [25]. Очевидно, что в такой ризоморфной структуре субъект труда (работник) обладает бесконечно большими коммуникативными (нелинейными) возможностями внутри организации, наделен большими правами в решении профессиональных вопросов, склонен к самоопределению в постановке производственных задач и осуществлении проектов. Иными словами, субъект становится субъектом в полном смысле этого слова: обретает власть, силу (power); познает данную ему действительность и преобразует ее в соответствии со своими интенциями и волей; становится способен противостоять власти и доминирующим дискурсам. Это предполагает решение проблемы отчуждения (powerlessness), которая, как было показано, имеет корни в формализованной и централизованной социальной структуре

организации. Такой гибкий, ризомный, высокоскоростной тип организации (в которой социальное взаимодействие не санкционируется промежуточными и вышестоящими инстанциями, а протекает непосредственно от одного члена организации к другому), очевидно, может являться прототипом открытой организации, возможности которой к обновлению и гомеостазису (в условиях меняющихся социально-экономических реалий) безграничны.

Принципиальной характеристикой ризомной структуры, организации или предприятия, имеющих ризомный тип, является полицентричность или децентрализованность – каждая позиция, элемент, точка ризомы могут выступать ее центром. Ризомная организация социального пространства не имеет периферии, также как не имеет сегментов, складывающихся друг в друга по принципу матрешки. Ризома, как клубень или разветвленное корневище, в отличие от корня или дерева имеет свойство «прорасти» в каждой точке своего пространства [24].

В контексте данного тезиса мы обнаруживаем вариант решения проблемы субъектности: ризомная структура социального пространства развязывает человеку руки, освобождает рот от кляпа, ставит человека в центр производства своего собственного, самореферентного дискурса чего бы то ни было – труда, политики, любви, искусства. «Я есть, я существую», – кричит субъект, как кричат новорожденные. Теперь он (субъект) в центре, не на отшибе социальной жизни, и его хорошо слышно. Преодолев инертность и фиксацию, субъект переходит в состояние движения, непрерывного самосозидания себя, самопроговаривания себя. Как точка, ускоряясь в физическом пространстве, даже чисто визуально становится линией, так субъект становится чистой процессуальностью.

Основной характеристикой субъекта, таким образом, становится интенсивность, разность скоростей его деятельности. Он становится в своем роде кочевником, олицетворением номадического (от англ. *nomad* – кочевник) способа существования. Каждый раз субъект не один и тот же, в некотором роде он множественность, но в то же самое время он и не раздроблен, каким его себе представляли ранние постмодернисты. Так, Ж. Делёз пишет, что «индивидуальность должна осознать себя как событие, а осуществляющееся в себе событие – как другую индивидуальность» [11. С. 952].

В итоге постструктуралистский проект смерти субъекта оборачивается против самого себя и извлекает из подобного самоотрицания (в виде позднего постмодернизма) зачатки новой теории субъекта.

Типология субъектов труда

Имея такую палитру мнений относительно природы и свойств такого социального явления, как субъект, нам было интересно посмотреть, какое положение он занимает в одной из основных сфер, где происходит его становление, – экономической, прежде всего в труде. Обследование, проведенное нами в 2009–2010 гг. на волне актуализации проблем модернизации отечественной экономики и постановки ее на современные (инновационные) пути развития, охватило такую узкоспециализированную часть промышленных тружеников, как инженеры отечественного ОПК. Всего в анкетном опросе приняло участие 305 ИТР четырех крупных новосибирских предприятий со средней численностью работников 1 300 человек. Более полно с содержанием данного социологического исследования можно ознакомиться в монографии «Отчуждение как социологический феномен современности» [25].

Применив кластерный анализ данных, мы выделили три типа респондентов, которые можно соотнести с тремя различными типами субъектности (субъектов) в зависимости от традиции изучения последней. Гипотетическое предположение (эксплицитно присутствующее в данной статье) о том, что структура субъектов труда на промышленных предприятиях неоднородна, нашла свое отражение в представленной далее классификации инженеров. Машинная кластеризация данных проводилась на основании ответов на вопросы, содержащиеся в табличной форме и призванные раскрыть наибольшую либо наименьшую приверженность инженеров различным социальным благам, ценностным императивам (напомним, что фундаментом в построении субъектом самого себя в работах Фуко является именно этическая составляющая). Далее через построение таблиц сопряженности и анализ χ^2 -статистик ($> 1,96$) мы приблизились к более детальному описанию типов субъектов по ряду

разнообразных характеристик, заключенных в остальных вопросах анкеты. Основными критериями в выборе количества кластеров (3) было два: количественная наполняемость и недублируемость классов наблюдаемых явлений.

Оказалось, что разные типы субъектности и субъекта присутствуют среди инженеров, работающих на российских промышленных предприятиях, и отражают глубинную ориентацию личности: 1) либо на внешний, предметный мир, с которым индивид связывает качество своей жизни и оценивает самого себя с точки зрения того, насколько он овладевает материальными ценностями; 2) либо на мир и внешний, и внутренний, который индивид осознанно выбирает в качестве колыбели для непрерывного (этического) становления собственной личности через заботу о себе самом. (Причем это не эгоистическая ориентация, а самое что ни на есть стремление к познанию универсальных нравственных основ человеческого общежития и личностному росту, которые возможны благодаря техникам работы над собой.) Третий тип респондентов демонстрирует качества, свойственные скорее анти-субъекту, – это субъект в раннем постмодернистском толковании со свойственной ему гипо- (т. е. сниженной) субъектностью.

Мы придерживаемся мнения о том, что субъект, каким бы автономным он ни был, является все же результатом социального конструирования и инвестирования в него различных социальных смыслов, посредством функционирования того, что Делёз и Гваттари называют социальными машинами, а Фуко именует диспозитивом. Последний располагает субъекта в системе воздействия на него смычки власть / знание, а машинное производство социального осуществляется социальными машинами литературы, труда, воспитания, медиа, религии, сексуальности. Анкета, которую мы использовали для проведения социологического обследования инженеров промышленных предприятий, содержала порядка ста вопросов, охватывающих сферы труда, производственных отношений, частной жизни, ценностей, мировоззрения, культурных предпочтений. Мы полагаем, что нам удалось уловить составляющие различных сегментов, из которых состоит сознание респондентов, и наличие более-менее устойчивых структур в нем – того, что в него инвестировано (и самоинвестировано). Следовательно, вполне возможно вести речь о тех практиках, в ходе осуществления которых инженеры осуществляют становление самих себя именно как субъектов, т. е. выступают активным деятельным центром своего собственного сознания. Работа субъекта над самим собой (управление сознанием у Фуко) – это процесс приближения к «истине» (в соответствии с многовековой социально-философской традицией) или реализация духовности (по Фуко), конечным результатом которой выступает постижение истинных представлений об основах социального бытия и жизнь в соответствии с идеями социальной справедливости. *В целом, то что принято называть практиками и техниками себя, а также заботой о себе, – это форма социальных отношений, которая может быть стратифицирована на три составляющие: диететика (или забота о собственном теле в целом); экономика (ведение домашнего хозяйства или политэкономия в целом) и эротика (отношение к другому и проявление чувств к нему).* Концентрация на себе и своих способностях, повышение качества своих свойств как свойств субъекта в данном случае являются по своей природе крайне социальными – развитие себя является залогом позитивных трансформаций в трех вышеприведенных сферах: самосовершенствуюсь, субъект совершенствует социум. Не случайно Гваттари заявляет о том, что на смену понятию «экология» должно прийти понятие «экософия»: именно в нем наиболее полно отражается единство различных экологий: природной, научной, экономической, общественной, субъективной [13]. Далее мы приводим описание типов субъектов труда инженерно-технических работников российских промышленных предприятий. Несмотря на то что всем трем группам инженеров свойственно, судя по их ответам, базисное стремление к повышению уровня своего материального положения, своими «надстроечными» характеристиками они отличаются довольно разительно.

Картезианский субъект / материалист / спорадический бунтарь. В соответствии с традицией, заложенной Рене Декартом, сущностными характеристиками субъекта являются его четкое отграничение от предметной сферы, объективного мира, который выступает для индивида целью его познавательной, манипулятивной, утилитарной, прикладной деятельности. Материальное для такого субъекта всегда есть смысл его существования, смысл и активность его жизни направляются им на овладение предметом. Рациональность, интеллект, эмпириче-

ское чувствование определяют характер взаимодействия такого индивида с окружающим миром. Субъект зависим от объективного мира и не существует отдельно от него, стремится подчинить себе последний и приспособить под свои нужды и цели. Субъект понимается как предзаданный, единый (монада), целостный.

Данный кластер (36 человек) объединил в основном мужчин с высшим или двумя высшими образованиями, в массе своей молодых (20–39 лет), занимающих исполнительную инженерную должность и получающих среднюю и ниже средней заработную плату на обследуемых предприятиях. В данной группе инженеров сосредоточено большинство тех, кто принимает участие в протестных акциях и забастовках на предприятии, мотивируя свой бунт низким уровнем материального вознаграждения труда и задержкой зарплаты. Эти респонденты в негативном ключе отмечают расхождение между их профессиональным, образовательным уровнем, способностью к профессиональному росту и теми возможностями, которые предлагает предприятие для развития таковых. Эти «материалисты» работали бы лучше, если бы «лучше платили» и было больше самостоятельности и инициативы на рабочем месте. Полагают, что в жизни необходимо учитывать прежде всего свои интересы (а не интересы других), а добиваться реализации оных можно ценой попрания собственных жизненных принципов. В личных отношениях для них первичной ценностью обладают сексуальная гармония между партнерами и возможность свободно осуществлять свои индивидуальные устремления. В число своих трудовых достоинств они относят хорошее образование и умение быстро ориентироваться в любой обстановке. При этом в данной группе наблюдается скопление тех, кто по отношению к инновациям на предприятии относит себя к новаторам и ранним последователям. Отношение к природе у «материалистов» пользовательское – считают, что последнюю нужно покорять. Судя по всему, не особенно заботятся о своем здоровье – регулярно употребляют алкоголь, курят. Считают себя атеистами; воспринимают окружающих их индивидов как людей агрессивных и полагают в массе своей, что «зло в итоге сильнее добра». Вера в справедливость и добро им не свойственна. Свобода для таких «картезианцев» в целом важна. Литературные вкусы этой группы инженеров формируются чтением американской и английской литературы (помимо отечественной), гастрономические предпочтения – мясные и в целом калорийные блюда. Мир для них ограничивается планетой Земля. Активная жизненная позиция данных инженеров выражается в девизе «Только вперед!».

Постмодернистский субъект / конформист / подавленный. Постмодернистская традиция, порвав с картезианским пониманием субъекта, заявляет в основном тезис о его децентрированности, раздробленности и невозможности сведения понимания сущности субъекта к четким и жестким социальным и этическим константам. Индивид в границах этого понимания есть не более чем проводник довлеющих над ним дискурсов власти, знания, информации, капитала: пассивная его сущность не позволяет ему проявлять самостоятельность в выборе целей, жизненных стратегий и ценностей. В принципе такой индивид является воплощением нормальности. Он аморфен, податлив, пластичен. Индивид в зависимости от контекста представляет собой скорее некий набор субъективностей: в одном случае – он субъект речи, в другом – труда, в третьем – потребления, т. е. вся совокупность его социальных действий не может быть сведена к единому центру, каждый раз субъект не один и тот же. Такому субъекту отказано в автономности, независимости, воле и креативности. В целом данное научное направление постулирует «смерть» субъекта.

Этот кластер (71 человек) объединил женщин и мужчин среднего и старшего возраста (40–60 лет), занимающих руководящую инженерную должность и оценивающих свою зарплату как недостаточно высокую. Среди респондентов этой группы присутствуют единицы тех, кто принимал участие в протестах на производстве, а в целом желания бунтовать у них не возникало. Отмечают, что не протестуют, так как протестовать на предприятии не принято. Свобода и независимость существования для этих инженеров не является насущной жизненной потребностью, а возможность открыто выражать свои взгляды, мысли и чувства совсем не важна. В целом не могут похвастаться отсутствием вредных привычек. Выполняемый труд вполне соответствует их профессиональным интересам. Являются атеистами, но среди них все же имеется определенное число тех, кто причисляет себя к светским верующим. В данном кластере присутствует наибольшее число респондентов, точка зрения

которых относительно преобладания в мире «добрых или злых» людей, а также о доминировании в мире конструктивных или деструктивных тенденций, является неопределенной – велико число тех, кто затруднился с ответом. В семейных отношениях для данных инженеров важны дружеские отношения и примечательно, что варианты ответов «любовь и нежность» в семейном союзе имеют с этим кластером отрицательную связь. Широта восприятия окружающего пространства, мира для данного типа респондентов ограничивается страной проживания.

Субъект позднего постмодернизма / идеалист / этический бунтарь. Поздний постмодернизм, на наш взгляд, в подходе к проблеме субъекта не порывает окончательно с постмодернизмом и оставляет за ним такие свойства, как вариативность, динамизм, а также уязвимость, проявляющуюся по отношению к власти, контролю и дисциплине. Однако новым является то, что субъект наделяется способностью к «возрождению», ключевое значение в реализации которого имеет осуществление бунта [11]. Тактики обороняющегося субъекта – это практики борьбы против всех разновидностей подавления и власти, а также этическое самоконструирование себя – так называемая забота о себе: о своем теле, здоровье, «душе» [12]. Забота о себе понимается как постоянное изменение себя, самосовершенствование. Быть собой – значит становиться тем, кем ты еще не был. Способности к критическому анализу и защите своей автономности от вмешательства внешних структур знания и власти позволяют такому индивиду (становящемуся в этом случае личностью) производить собственные социальные смыслы, независимо определять траекторию своих действий, ссылаться на самого себя, а не только на внешние авторитеты. Это трудный путь, но в таком бесконечном противостоянии только, видимо, и возможно самоосуществление субъекта.

Данный кластер (171 человек) объединил мужчин и женщин с высшим, а также средне-специальным образованием, занимающих исполнительную инженерную должность. Отличает эту группу преобладание, хотя и в небольшой степени, доли женщин. Активность данного типа респондентов в практиках протеста не такая высокая, как у группы «картезианцев», но заметно выделяется на фоне отсутствия бунтарских настроений у группы «подавленных». В отличие от кластера «материалистов» этих бунтарей толкает «на баррикады» не материальная, а скорее этическая сторона дела: среди причин, вынудивших их принимать участие в стачках, они выделяют в особенности такие: игнорирование интересов работников руководством предприятия, солидарность с товарищами, желание выразить протест против существующих на предприятии порядков. Причем эту страту инженеров характеризует отрицательная связь с вариантом ответа «боязнь притеснений и угроз» на вопрос о том, какие факторы могут сдерживать их участие в акциях протеста. Для этих бесстрашных «Дон Кихотов» чрезвычайно важна свобода и независимость существования в жизни, а также свобода в выражении своих взглядов и мнений. Так же как и для их коллег «картезианцев», высокой ценностью для этого типа субъекта труда является возможность самореализации в труде, а негативными сторонами их трудовой сферы выступают недостаточно высокое его денежное вознаграждение и не в полной мере присутствующая возможность реализовать профессиональные интересы и способности. К числу своих достоинств относят трудолюбие, а к качествам, приводящим порою к неудачам, – излишнюю доверчивость, честность и порядочность. Полагают, что, претворяя в жизнь собственные планы, следует учитывать в равной степени не только свои, но и чужие интересы. Отмечают, что в настоящее время перед ними стоят задачи по продолжению учебы и получения образования, повышения профессиональных качеств (продолжающаяся работа над собой, забота о себе). С бунтарским религиозным мировоззрением Льва Толстого их роднит то, что они смотрят на мир как на место, где доминирует добро, веруют в Бога, Абсолют (но к конкретной церкви себя не относят): это позволяет им (по собственному мнению) сохранять надежду на справедливость и дает силы переносить невзгоды. Если «картезианцы» оправдывают применение физического насилия в целях защиты жизни, то данный кластер инженеров-идеалистов выступает против насилия в принципе, которое нельзя оправдать ничем. Примечательно, что восприятие мира (широта сознания) у данной группы простирается до космических масштабов; в гастрономических пристрастиях преобладает (в большей степени, чем в других кластерах) интерес к вегетарианской диете – овощам; в отличие от кластера «материалистов», среди которых отдающие предпочтение англо-саксонской литературе, «идеалисты» в целом более

привержены испанской литературной традиции (после русской); жизненный девиз субъектов труда по версии позднего постмодернизма «Надежда на лучшее».

Таким образом, приведенные выше виды субъектов (труда) можно представить как континуум, пролегающий между двумя крайними полюсами: от яркого присутствия субъектности среди исследуемых инженеров до практически полного ее отсутствия. Напомним, что субъект – это не то же самое, что индивид, а скорее характеристика человека с присущими ему ярко выраженными личностными свойствами. Поэтому, сильно утрируя, позволено говорить, что количество субъектов среди респондентов не равно количеству индивидов.

Такова в первом приближении социальная структура субъектов труда среди инженеров отечественного ОПК. Очевидно, что для более глубокого проникновения в область исследования феномена субъектности (способности выступать субъектом социального действия) и современного субъекта труда (источника свободной активности, автора социального акта) желательно также применение метода глубинного интервьюирования. Надеемся, что это вопрос недалекого будущего.

Список литературы

1. Барт Р. Смерть автора. Мифологии // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
2. Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
3. Бердяев Н. Царство духа и царство кесаря. М., 1995.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Культурная революция, 2006.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.
7. Дебор Ги-Э. Общество спектакля. М.: Логос, 1998.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
9. Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
10. Дьяков А. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск, 2006.
11. Комбаров В. Ю. Трансотчуждение как социологический феномен современности. Новосибирск, 2013.
12. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Терра, 2008.
13. Маркузе Г. Критическая теория общества. М.: АСТ, 2011.
14. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
15. Смерть субъекта // Всемирная энциклопедия философии. М., 2001. С. 951–953.
16. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.
17. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
18. Хоркхаймер М., Адорно Т. Дialeктика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
19. Appelbaum R., Bonacich E. Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry. University of California Press, 2000.
20. Deleuze G., Guattari F. Mille piani. Capitalismo e schizofrenia. Castelvechi; Roma, 2010.
21. Hackman J., Oldham G. Work Redesign. Addison-Wesley, 1980.
22. Mottaz C. Some Determinations of Work Alienation // Sociological Quarterly. 1981. Vol. 22 (4). P. 515–529.
23. Morris J., Steers R. Structural Influences on Organizational Commitments // Journal of Vocational Behavior. 1980. Vol. 17. P. 50–57.
24. Seeman M. On the Meaning of Alienation // American Sociological Review. 1959. Vol. 24. P. 784–788.
25. Vallas S. The Transformation of Work. JAI Press, 2001.

V. Yu. Kombarov

*Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

vkombarov@gmail.com

**USUAL RUSSIAN ENGINEER:
SOCIAL PORTRAITS OF SUBJECTS OF WORK IN THE INTERIOR
OF THE SIBERIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES**

At the base of sociological case study done at four Siberian enterprises of military-industrial complex was made a test to construct a typology of workers that vary for different types and trajectories or strategies of subjectivity and can be viewed as kind of continuum – trans-subjectivity – which is characterized by the absence of the subject or by its full manifestation.

The relations between phenomenon of subjectivity of the workers and type of social structures of enterprises (organizations) is the problem viewed in this article. The author supposes that in the modern tree-vertical-hierarchical structures dominates hypo-subjectivity of workers – phenomenon of the «death of the subject». An alternative is the rhizome structure which allows to «resurrect» the subject – productive worker and to reduce its firmly fixation in the system and to make his social action non-linear. At the base of sociological case study done at four Siberian enterprises of military-industrial complex was made a test to construct a typology of workers that vary for different types of subjectivity.

Checking the evolution of interpretations of the concepts of «subjectivity» and «subject», the author concludes that a full-fledged social agent, the actor, the engine of historical and social processes is premature to write off, and that he may still have the main role in the context of transforming dynamics of contemporary social processes. Empirical referent of study and such an active acting, self-referential social agent capable of withstanding discourses of the power, as well as the pressure of capital and the prevailing social ethic machines are engineering and technical personnel of modern Russian industrial enterprises. Relevance in the study of the social stratum of workers due to the author's opinion, the need to enhance the most creative group of workers of the domestic industry, as the main social capital of productive economy, rebuilding and strengthening of which is seen today is extremely important.

Keywords: subject of labor, rhizome, cluster analysis, engineers, social structure, trans-subjectiveness, post-structuralism.

References

1. Bart R. Smert' avtora. Mifologhii [Death of the author. Mythology]. In: *Bart R. Izbrannie raboti. Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetic]. Moscow, Progress Publ., 1994. (in Russ.)
2. Bakhtin M. *Problemi tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Art]. Kiev, 1994. (in Russ.)
3. Berdyaev N. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Realm of Spirit and the Realm of Caesar]. Moscow, 1995. (in Russ.)
4. Bodriyar Zh. *V teni molchalivogo men'shinstva* [In the Shadow of the Silent Majorities]. Ekaterinburg, 2000. (in Russ.)
5. Bodriyar Zh. *Obschestvo potreblemiya* [The Consumer Society]. Moscow, Kul'turnaya revolyuzia Publ., 2006. (in Russ.)
6. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalisma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow, Progress Publ., 1990. (in Russ.)
7. Debora Ghi-E. *Obschestvo spektaklya* [The Society of Spectacle]. Moscow, Logos Publ., 1998.
8. Dyurgheim E. *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sociologhii* [The Division of Labour in Society. Method of Sociology]. Moscow, Nauka, 1991. (in Russ.)

9. Dekart R. *Izbrannie proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1950. (in Russ.)
10. D'yakov A. *Felix Gvattari: Shisoanaliz i proizvodstvo sub'ektivnosti* [Felix Guattari: Schizoanalysis and Production of Subjectivity]. Kursk, 2006. (in Russ.)
11. Kombarov V. *Transotchuzhdenie kak sociologicheskiy fenomen sovremennosti*. [Transalienation as Sociological Phenomenon of Our Times]. Novosibirsk, 2013. (in Russ.)
12. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of People and Masses]. Moscow, Terra Publ., 2008. (in Russ.)
13. Markuse G. *Kriticheskaya teoriya obschestva* [The Critical Theory of Society]. Moscow, AST, 2011. (in Russ.)
14. Ortega-I-Gasset Kh. *Estetika. Filosofiya kul'turi* [The Aesthetics. Philosophy of the Culture], Moscow, Art Publ., 1991. (in Russ.)
15. Smert' sub'ekta [Death of the Subject]. *Vsemirnaya enciclopediya filosofii* [Worldwide Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, 2001, p. 952–953. (in Russ.)
16. Fuko M. *Germenevtika sub'ekta* [The Hermeneutics of the Subject]. St.-Petersburg, 2007. (in Russ.)
17. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu vlasti i sexual'nosti. Raboti rannih let* [The Will to Truth: Beyond the Knowledge, Power and Sexuality. Work over the Years]. Moscow, 1996. (in Russ.)
18. Khorkkhaimer M., Adorno T. *Dialektika prosvescheniya. Filosofskie fragmenti* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]. St.-Petersburg, Medium Publ., Yuventa Publ., 1997. (in Russ.)
19. Appelbaum R., Bonacich E. *Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry*. University of California Press, 2000.
20. Deleuze G., Guattari F. *Mille piani. Capitalismo e schizofrenia*. Castelvechi, Roma, 2010.
21. Hackman J., Oldham G. *Work redesign*. Addison-Wesley, 1980.
22. Mottaz C. Some Determinations of Work Alienation. *Sociological Quarterly*, 1981, vol. 22 (4), p. 515–529.
23. Morris J., Steers R. Structural influences on organizational commitments. *Journal of Vocational Behavior*, 1980, vol. 17, p. 50–57.
24. Seeman M. On the Meaning of Alienation. *American Sociological Review*, 1959, vol. 24, p. 784–788.
25. Vallas S. *The Transformation of Work*. JAI Press, 2001.